

4. Литвинова Т.Н. Дворянская опека Воронежской губернии в первой половине XIX в. // Из истории Воронежского края: сборник статей. Вып. 13. – Воронеж, 2005. – С. 69-81.
5. Московское губернское очередное дворянское собрание, (18) 26 февраля 1890 г. – М.: Унив. Тип., 1890. – 106 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. – Т. XI. Отд. 2-е. – СПб., 1836. – 893 с.
7. Рянский Л. Источниковедческая характеристика дел об опеке дворянских имений (первая половина XIX в.) // Источниковедение отечественной истории. – М., 1981. – С. 178-189.
8. Трубецкой П. П. Докладная записка членам собрания господ предводителей и депутатов Московского дворянства, составленное Московским уездным предводителем дворянства, по вопросу о материальном обеспечении Московской дворянской опеки. – М., 1885. – 12 с.

УДК 94(47).083:37.01

Ватник Н.С.

*Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт (г. Коломна)*

«ШКОЛЬНЫЙ ФАКТОР» В САМОУБИЙСТВАХ УЧАЩИХСЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ НАЧАЛА XX в.

N. Vatnik

Moscow State Regional Social-humanitarian Institute, Kolomna

«THE SCHOOL FACTOR» IN STUDENTS' SUICIDES IN CENTRAL RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Аннотация. Рассмотрены в качестве социального явления самоубийства учащихся средних учебных заведений в начале XX в. С привлечением архивных документов проанализированы их причины, связанные с событиями учебной жизни: страхи перед получением плохих оценок, конфликты с преподавателями, упреки родителей в связи с низкой успеваемостью, переживания из-за обучения и проживания вне семьи. Изучены и типизированы конкретные обстоятельства, подтолкнувшие молодых людей к роковому шагу. Приведены оценки родителей, педагогов и учеников фактов самоубийств школьников.

Ключевые слова: позднеимперская Россия; средняя школа; самоубийства учащихся.

Abstract. The article presents secondary school students' suicides at the beginning of the 20th century as a social phenomenon. Using the documents from the archives the author analyses the reasons of suicides connected with the school life factors. They are: fear of getting bad marks, conflicts with teachers, and parents' disapproval of poor studying, living without family. The author estimates and typifies some specific circumstances, making young students commit suicides. The article gives examples of teachers', parents' and students' attitude to such suicides.

Key words: late imperial Russia, secondary school, students' suicides.

На рубеже XIX–XX вв. требовало серьезного реформирования центральное звено российской системы образования – средние учебные заведения. Постоянными стали критика прессой, педагогами и родителями «толстовско-дедяновской» школы. Со своей стороны, полиция и учебное начальство фиксировали в губернских и уездных городах деятельность нелегальных ученических кружков, групп и союзов (академических, политических). В гимназиях и реальных училищах происходили волнения, бунты, забастовки и демонстрации [7, с. 84-111]. Невиданную организованность и массовость «беспорядки» приобрели в годы Первой

русской революции, получив название «школьная смута».

Однако самый громкий резонанс в обществе и ученической среде вызывали случаи самоубийств учащихся. По большей части они отмечались среди воспитанников V–VIII классов, т. е. в возрастной группе примерно с 15 до 19 лет. На рубеже XIX – XX вв. ежегодные показатели юношеских суицидов демонстрировали тревожную положительную динамику. Министерство просвещения в 1898 г. учло 19 таких фактов, в 1899 г. – 12, в 1900 г. – 14, 1902 г. – 31, в 1903 г. – 27, в 1905 г. – 25, в 1906 г. – 44, в 1907 г. – 74, в 1908 г. – 83, в 1909 г. – 143, в 1911 – 242, в 1912 – 251 [2; 8, с. 36-37]. Причем рост числа самоубийств в школах превосходил темпы увеличения ученического контингента. Закономерное беспокойство общества отразилось во многих статьях в газетной периодике («Слово», «Речь» и др.), в педагогических («Русская школа», «Вестник воспитания» и др.) и медицинских («Практический врач») изданиях; проблема самоубийств как неотложная рассматривалась на Всероссийском съезде по народному образованию в 1913 г. [3, с. 88].

Юношеский суицид изучен психологами и педагогами, которые оценивают его как неадекватную реакцию неустойчивой психики взрослеющего молодого человека на непонимание со стороны близких ему людей, а в более широком плане – на несовершенство окружающего мира. Однако не только возрастные комплексы подталкивали подростков в начале XX в. к роковой черте. И современники, и исследователи в настоящее время [наиболее значимые работы: 4; 5] увязывают такое нарастание числа самоубийств, в значительной степени, с состоянием социума, находящегося в стадии перелома и отрицания традиционных ценностей, неясности общественных перспектив, кризиса семьи и школы, духовной катастрофы в целом [1, с. 116-120; 2, с. 117; 3, с. 87-88; 4; 7, с. 151; 8, с. 36]. В контексте личных переживаний это отражается в ощущении подростком собственной никчемности, одиночества и отсутствия смысла жизни, в обостренной реакции на не-

удачи в значимых сферах деятельности (учебе), в нетерпимости к замечаниям взрослых и пр. А ситуация в империи кануна и событий 1905–1907 гг. характерна концентрацией неблагоприятных факторов для психического здоровья и взрослых, и юношества. В после-революционное время учащаяся молодежь, разочаровавшись в практике и результатах «освободительного движения», «погрузилась в бездну» пьянства и «упадничества», что привело к нарастанию числа юношеских самоубийств.

Локальные рамки исследования ограничены учебными заведениями центрально-русских губерний, т. е. территорией Московского учебного округа (самого крупного в России), на долю которого в 1905 г. пришлось более трети всех суицидов, а в 1906 г. «лидировавшего» в империи по приросту числа самоубийств [5, с. 179-181]. Укажем, что как самостоятельный суицидальный компонент в истории образования в регионе специально ранее не рассматривался.

Обращение к документам Врачебно-санитарной части Министерства народного просвещения¹, Департамента полиции² Канцелярии попечителя Московского учебного округа³ и периодике позволяет выявить причины, по которым учащиеся начала XX столетия пытались уйти из жизни. Это: конфликты с родителями, обстоятельства школьной жизни, несчастная любовь, потеря близких, болезнь, психическое нездоровье, алкоголизм; имели место неосторожное обращение с оружием, немотивированные акты, а также сочетания причин. Предметом рассмотрения являются суицидальные факты, связанные с учебной деятельностью школьников. А они, как следует из анализа донесений директоров школ и учетных документов за 1901-1916 гг., составляли большинство: не менее 50–70% случаев⁴.

¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733.

² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102 ОО

³ Центральный исторический архив Москвы (далее – ЦИАМ). Ф. 459.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 165. Д. 1228, 1434; Оп. 166. Д. 119,

Систематизируя «школьные причины» самоубийств, можно выделить четыре группы: 1) не успешность в учебе и страх перед получением плохих оценок; 2) конфликты с преподавателями; 3) упреки родителей (родственников) в связи с низкой успеваемостью; 4) страдания из-за обучения и проживания вне семьи. Вместе с тем, учитывая условность группировки, нами выделялась в каждом случае доминирующая причина.

Среди мотивов, подтолкнувших ученика к роковому поступку, основное место занимали трудности в усвоении учебного материала и страхи по поводу неудовлетворительной оценки (текущей или за контрольную работу). Приведем типичное. 30 октября 1906 г. ученик 3-й Московской гимназии Тихомиров повесился, узнав, что инспектор пригласил его мать в гимназию в связи с жалобами учительницы французского языка Степановой на успеваемость сына. По словам одноклассников, Тихомиров просил педагога дать возможность исправить двойку, но получил отказ (двойка за четверть грозила ему, второгоднику, «выходом из гимназии»). 7 марта 1911 г. бросился под поезд четвероклассник Смоленской губернской гимназии 15-летний Самуил Караулов. Комментируя факт, директор гимназии указал в донесении попечителю учебного округа, что Караулов был «слаб по успехам, ... во 2-й четверти имел «двойки» по шести предметам». В 1-й Нижегородской гимназии 16 декабря 1911 г. отравился раствором карболки Павел Русейкин. Он повторно обучался в IV классе и не успевал по нескольким предметам. По наблюдению преподавателей, ученик «представлял собой натуру замкнутую», к занятиям относился апатично и часто отказывался от ответа на уроках», «скрывал от матери настоящее положение дела, видимо, боясь строгого с её стороны к себе отношения»¹.

Но особо велика была тревожность школьников в связи с переводными (выпускными)

экзаменами. Они провоцировали нервное напряжение, которое могло сформировать настроение безысходности, особенно, если неудача грозила увольнением или повторным обучением. Поэтому на апрель – июль приходится множество ученических суицидов. В 1905 г., 3 мая, из-за неперехода в следующий класс отравился 19-летний учащийся Лазаревского института И. Мангосаров, а 11 июня в Нижнем Новгороде застрелился ученик 2-го класса А. Тер-Захорянц, оставленный на второй год. 8 мая 1906 г. застрелилась воспитанница гимназии Л.Ф. Ржевской в Москве 17-летняя Д. Вишневецкая, не допущенная к устным испытаниям за VII класс². 11 мая 1910 г. учащийся III класса Костромского реального училища Михаил Плешаков, получив двойку по черчению, выпил денатурированной спирт (врачебная помощь спасла ему жизнь). При разбирательстве происшествия выяснилось, что реалист боялся не выдержать испытаний после каникул и «сидеть второй год в III классе». К тому же родители обещали взять сына из училища, и мысль о прекращении учебы, «не окончивши курсу», очень «удручала его»³. 26 мая 1910 г. бросился в воду с баркаса ученик V класса Нижегородского дворянского института 17-летний С. Персенин; спасенный, он объяснил полицейским, что «хотел лишиться себя жизни вследствие неудачных экзаменов»⁴.

Ограничившись этими примерами (в рамках первой группы суицидальных причин), приведем случай, иллюстрирующий влияние эпохи на мотивы роковых поступков. Речь идет о покушении на самоубийство Михаила Григорова – выпускника Рязанской гимназии Н.Н. Зелярова: в ночь на 28 января 1916 г. он выстрелил себе в грудь из револьвера (ранение было нетяжелым, и через 17 дней ученика выписали из больницы с перспективой операции по удалению пули). Здесь показательны предшествующие обстоятельства. В декабре 1915 г. Григоров, со-

350; Оп. 199. Д. 33, 93, 96, и др.; ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 4241, 4242, 4246, 4557, 4560, 5149, 5151, и др.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 93. Л. 194-194 об, 208, 221-226, 239; ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 6002. Л. 43; оп. 3. Д. 6296. Л. 2.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 33. Л. 65 об; Д. 93. Л. 194-221; Д. 96. Л. 71-71 об, 89.

³ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 5732. Л. 86, 86 об.

⁴ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 5732. Л. 98-100.

гласно прошению, был допущен к январским «испытаниям зрелости» для досрочного получения аттестата и поступления в военное училище. К такому решению его подталкивал не только патриотизм, но и желание заменить на фронте брата, оказавшегося в германском плену. Учителя выразили сомнение в подготовленности воспитанника к экзаменам, но педагогический совет «не счел себя вправе отказывать ученику». С 11 января начались экзамены для Григорова и его товарища – В. Ильина. И если у Ильина были «отличные успехи», то Григорову преподаватели не только «оказывали снисхождение», но и помогали «особливо при исполнении письменных работ», считая «непатриотичным задерживать в гимназии ученика», желавшего «по окончании курса поступить в ряды войск». Однако «легкомысленно проведенные святочные каникулы» дали предсказуемые результаты: по отдельным предметам знания выпускника были оценены «баллом ниже 2-х». И узнав о принятом 27 января неблагоприятном постановлении педагогического совета, Григоров совершил ужасный поступок.

Показательна реакция педагогов, местного общества и товарищей Григорова. Собравшийся утром 28 января педагогический совет (с участием представителей от родительского комитета и «общества») признал, что гимназия не допустила ничего, чтобы подтолкнуть ученика «на столь неблагоприятный шаг». Председатель губернской земской управы Л.И. Кученев «выразил солидарность с действиями педагогического персонала»; со своей стороны, рязанское общество, осудив покушение, посчитало, что «действия педагогического совета были совершенно правильными»; «неодобрительно» отнеслись к поступку Григорова и одноклассники. Происшествие завершилось благополучно – ученику разрешили пересдать экзамены в апреле-мае. Однако семья предпочла иное: 16 марта материю было подано прошение об увольнении сына из гимназии, и позднее он был «прикомандирован вне очереди в качестве юнкера к Алексеевскому военному училищу»¹.

¹ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7901. Л. 88-95, 106-108.

Случаи суицидов на почве только неприязненных отношений с педагогами редки – чаще конфликты осложнялись как проблемами в учебе и поведении учеников, так и бестактностью взрослых; влиять могли нервозность и неадекватная реакция молодых людей на несправедливую оценку или несоизмерное наказание. 1 февраля 1905 г. В. Сизов – ученик Московского Александровского коммерческого училища застрелил преподавателя английского языка Мак-Киланда и застрелился сам (педагог был известен придирками и объяснялся с начальством по поводу нетактичного отношения к ученикам)². В апреле 1914 г. выстрелил в себя тульский гимназист VII класса Алексей Гумилевский. По словам директора, покушавшийся окончил третью четверть с «двойками» по русскому языку и математике, отличался психической неуравновешенностью и нервозностью, «оскорблялся» на замечания преподавателей³. Неожиданное развитие имело отравление Б. Петрова – ученика VI класса Московской 7-й гимназии. 19 марта 1916 г., после получения по латыни отметки «2», Петров, хлопнул крышкой своего ученического стола и с шумом бросил книгу, а когда преподаватель попросил его оставить класс, он, выходя, с силой захлопнул дверь. Через несколько минут ученик принял в коридоре яд (26 марта скончался в Старо-Екатерининской больнице). Мать погибшего, в письмах в инстанции, обвинила в случившемся учителей: они «прижимают своих учеников двойками по учебным предметам, двойками по поведению, выключают... живых и способных из гимназии»; отставной латинист Е. Браун назван ею беспощадным, «формалистом до мозга костей», «молотом, не разбирающим, по чему ударить». И хотя директор опроверг эти обвинения (учителя-латинисты – знатоки языка и гуманны, а Петров – учился неровно и «при объяснении со старшими допускал ничем необъяснимый тон»), информация о происшествии была затребована для доклада

² РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 33. Л. 64 об; Русские ведомости. 1905. 2 февраля.

³ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7117. Л. 86.

министру просвещения¹.

Среди причин суицидов – сложные отношения с родителями из-за трудностей в учебе. Здесь речь идет о гипертрофии чувства стыда по поводу плохих оценок, страхе перед наказанием и упреками в нерадивости. К примеру, 20 апреля 1906 г. выстрелом из револьвера покончила с собой 18-летняя ученица VI класса Тульской женской гимназии О. Аристова – она скрывала от родителей неудачи в учебе и второгодничество². 13 мая 1910 г. пытался отравиться В. Быстров – учащийся VI класса Московской 4-й гимназии, не допущенный к переводным испытаниям по четырем предметам (два года обучался в V классе). Спасенный врачами, он пояснил, что «чувствовал неловкость своего положения перед родными, в особенности, если бы его уволили из гимназии». Согласно архивным материалам, Быстров принадлежал к бедной мещанской семье и (вместе с больной матерью) находился на содержании старших братьев и сестер. Последние неоднократно ругали его за небрежное отношение к занятиям³.

При анализе документов о суицидах обнаружилось примечательное явление – родители погибших, занимая низкие ступени социальной лестницы, связывали с получением детьми образования надежды на изменение статуса семьи. Как следствие, они, нетерпимые к учебным неудачам своих отпрысков, укорами подталкивали их к смертельному шагу. Так, 25 января 1914 г. совершил попытку самоубийства ученик VII класса Московской 7-й гимназии двадцатилетний Владимир Круковский – сын крестьянина, служившего на Александровской железной дороге. При рассмотрении обстоятельств, выяснилось: у Круковского были «холодные» отношения с отцом, который требовал, чтобы тот хорошо учился. Родитель же заявил, «что сын его должен понимать, что отец ничего не жалеет и тратит последние трудовые деньги на то,

чтобы он вышел в люди, и он, со своей стороны, должен не лентяйничать...»⁴. «Суровое обращение с детьми» сельского диакона П. Некрасова послужило поводом к отравлению (8 февраля 1914 г.) его сына Константина – воспитанника Егорьевской гимназии (был спасен)⁵.

Неразвитость сети учебных заведений обусловили проживание части учеников вне дома – у родственников, на съемных квартирах, в общежитиях. Для детской психики это серьезное испытание, поэтому одиночество, тоска по семейному теплу вкупе с неудачами в учебе могли ввергнуть подростка в состояние глубокой депрессии. В архивах сохранились последние записки покушавшихся, которые вопиют о таких страданиях. Приведем типичное. 23 октября 1913 г. выстрелил в себя (не смертельно) Антоний Тарновский – учащийся VI класса Нижегородского частного реального училища, чья семья проживала в Туле. В прощальном письме 18-летний юноша написал: «...Тяжело в 6 лет уехать в закрытое учебное заведение, и теперь с издерганными нервами вспоминаю детство неутешительное». И откровенно: «...Хочется ласки – страстно хочется положить голову на колени к маме, а она гладила бы по голове рукою и плакала бы вместе со мною»⁶. 14 февраля 1911 г., на ученической квартире, выстрелил себе в висок семиклассник Шуйской гимназии Николай Миненков (остался жив). По мнению педагогов и врача, «причина несчастья кроется в оторванности его от семьи. Мать, братья и сестры относились к Миненкову равнодушно, человеческого достоинства в нем не уважали». В Шуе у него родных не было – мать жила на станции Мга (под Петербургом), а брат служил на Восточно-Китайской железной дороге⁷.

Приведенная выше группировка причин суицидов не охватывает нюансов ситуаций, и реалии характерны сочетанием причин. Так, 7 марта 1914 г. покончил с собой 16-летний уче-

¹ Русские ведомости. 1905, 2 февраля; ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7901. Л. 28, 28 об, 35-38, 40-41.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 33. Л. 65 об; Д. 93. Л. 194-221.

³ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 5732. Л. 75-76, 79.

⁴ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7117. Л. 42, 44.

⁵ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7117. Л. 33.

⁶ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7117. Л. 1, 2, 14-15.

⁷ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 6002. Л. 12-13.

ник III класса Сычевской гимназии Николай Коновальцев – сирота, проживавший у дяди, сельского священника. Он тяжело переживал положение «нахлебника в доме»; впечатлительный, с натурой «болезненно-поэтической и художественной», учился плохо – в каждом классе оставался на повторный курс, скрывая от опекунов неудачи. Его предсмертная записка содержит стихотворную «молитву к матери» и карандашный рисунок с изображением детской фигуры, стоящей на коленях и воздевающей руку к небу. Другой пример. 2 июня 1912 г. выпил нашатырного спирта Георгий Бобров пятиклассник Тверского частного реального училища (спасен). Объясняя в записке свой поступок, он ссылается на «упреки домашних» и предчувствие, что его «провалят» на осенней переэкзаменовке по математике: «Меня не хотят оставлять сразу, хотят мучить сомнениями и неизвестностью целое лето, чтобы потом все равно оставить на второй год. Конец. Упреки без конца, я их не вынесу»¹. Известен факт самоубийства в марте 1905 г. ярославского гимназиста Н. Панова, по мнению товарищей, затравленного учителями по политическим мотивам – но это скорее исключение, чем правило.

Ненормальность происходящего была очевидна. Однако первоначально сообщенные директорами школ тревожные случаи не становились предметом серьезного обсуждения в Министерстве народного просвещения. В этом отношении показательна резолюция министра В.М. Глазова на донесении попечителя Московского учебного округа (19 марта 1905 г.) о самоубийстве Н. Панова: «Надо подогнать итог самоубийств за последнее время; полагал бы потребовать участия пастырей, словом, каких-нибудь мер, чтобы не обратилось в эпидемию»². Ведомство просвещения оказалось способным переложить заботы о душевном состоянии юношества на священников и поручить Врачебно-санитарной части вести учет самоубийств [6].

Между тем суициды будоражили ученическую среду и в условиях социальной неста-

бильности, особенно в 1905-1907 гг., могли провоцировать протестные акции учащихся. Так, на похоронах вышеупомянутого Тихомирова (ноябрь 1906 г.) участники процессии, вопреки требованию полиции, несли венки с красными лентами и надписью «Жертве произвола». На кладбище к собравшимся обратился студент С. Тихомиров (брат погибшего): «Кто виноват в этой смерти? Я скажу, что никто и все. Кому мстить? Никому и всем. Были тысячи жертв – будут миллионы. Поклянемся же, товарищи, бороться до конца!»³. Окружавшая могилу толпа ответила «Клянемся!». Непокойная ситуация сохранялась в гимназии около месяца – старшеклассники настаивали на удалении инспектора, виновного, по их мнению, в гибели товарища⁴. Антиправительственный характер носили в Ярославле (март 1905 г.) похороны гимназиста Н. Панова. По данным полиции, участники процессии (около 2000 чел.) – гимназисты, лицеисты-демидовцы, воспитанники духовной семинарии – несли венки с надписями «От младших товарищей жертве борьбы роковой» и «Долой самодержавие»; шествие сопровождалось пением «Марсельезы». Выступавшие на кладбище ораторы называли самодержавие главным виновником ухода из жизни молодого человека. Лозунги «Да здравствует свобода! Долой самодержавие!» толпа встретила криками «Да здравствует революция! Да здравствует свобода! Долой царя-убийцу! Долой шпионов!»⁵

В более спокойные времена протест не выходил за стены учебных заведений, но формы его проявления зависели от организованности школьников. Так, в Смоленске в начале 1914 г. произошли две трагедии – повесилась ученица Мариинской гимназии Курнатовская и застрелился воспитанник частной гимназии Воронина Кушинский. И если первый случай их товарищи объясняли «общечеловеческой подкладкой» (скука жизни, нежелание быть обыденной и отсутствие сил вырваться из

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 199. Д. 93. Л. 224-226.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 166. Д. 799. Л. 150-151об, 177 об.

⁵ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 3. Ч. 122. Л. 14-15, 17 об. 19 об. 21.

среды «серых людей»), то второй – связывали с несправедливым исключением из гимназии. По данным полиции¹, возмущенные учащиеся организовали несколько сходок, выпустили листовки с призывами к забастовке и образовали «Лигу борьбы с самоубийствами учащихся». Однако попытки провести забастовку были безуспешны (из-за раскола среди гимназистов), и дело ограничилось петицией с требованием изменить школьный режим.

Итак, в начале XX в. суициды превратились из трагических эпизодов в тревожное явление ученической среды. Преобладание школьных мотивов в причинах юношеских самоубийств свидетельствовало о серьезных изъянах в системе образования: перегрузке школьников, авторитарности учебного и воспитательного процесса, слабом учёте психологии ученика, оторванности семьи от школы, неразвитости внеурочной работы. Обеспокоенность общества и протестные настроения учащихся обусловили инициирование в 1915-1916 гг. министром просвещения П.Н. Игнатьевым реформы российского среднего образования (к сожалению, оставшейся незавершенной).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917-1927 гг. Становление «нового человека». – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. – 238 с.
2. Егорова М.В. Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX – начале XX в. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – 216 с.
3. Завражин С.А. Самоубийства среди учащихся в дореволюционной России (из истории вопроса) // Педагогика. – 1992. – № 9-10. – С. 86-88.
4. Лярский А.Б. Самоубийства учащихся как феномен системы социализации в России на рубеже XIX-XX веков. – СПб.: Изд-во МИЭП, 2010. – 383 с.
5. Могильнер М.Б. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 208 с.
6. Самоубийства, покушения на самоубийство и несчастные случаи среди учащихся русских учебных заведений Министерства народного просвещения... / М-во нар. прос. Врачеб.-сан. ч. учеб. заведений. – СПб.-Пг.: Сенат. тип.- Книгопеч. Шмидта, 1906-1916. (Издание ежегодное).
7. Ушаков А.В. Демократическое общество России в борьбе с самодержавием на рубеже XIX-XX вв. – М.: Экслибрис-Пресс, 2004. – 303 с.
8. Ушаков А.В., Образцова О.А. Учащиеся средних учебных заведений России в общественно-политическом движении на рубеже XIX-XX вв. – М.: ИД «С днем рождения», 1999. – 144 с.

---

¹ ГАРФ. Ф. 102 ОО, 1914. Д. 25. Ч. 71. Л. 1, 3, 8, 8 об, 11.